

Из словаря Велиофанта.

Горготан – огромное, размером с остров животное. На горготане могут жить люди.

Харн Орд – имя горготана, на котором начинаются описываемые события.

Щитан – волосы горготана, растущие гривой по хребту от головы до кончика хвоста. Издали напоминает горную цепь; тело горготана покрывают более короткие и редкие волосы. Размером они напоминают деревья, свойствами – слоновую кость.

Подшерсток – тонкий белый пух горготана. Длиной от пятидесяти сантиметров до двух метров.

Используется для изготовления одежды, ковров, других вещей.

Арн – главный бог, покровитель горготанян.

Зыбь – поверхность огромного материка, скрытая от глаз людей толстым слоем тумана.

Персть – пыль.

Ярих потерялся

Домовой вернул перо в чернильницу. Замарал коготь, поморщился. Облизал подушечки пальцев и потянулся. Оттолкнулся лапой от стола, и кресло-качалка мягко зашумело.

Рыжая шерсть его при свете пламени переливалась, словно жидкое золото, и порванное ухо не портило, а даже придавало внешности толику дерзости, и, в хорошем смысле, отчаяния.

– Постой, – остановил он слугу у самых дверей. Вот, – коготком брезгливо отодвинул от себя раскрытую книгу, – Кинь в огонь.

Человек послушно исполнил указание и вышел.

Велиофант блаженно растянулся в кресле. Зажмурился. Теперь хорошо. А то ведь находятся невежды. Ни разу в жизни не видели домового, а смеют утверждать, что он похож на маленького дряхлого старичка. Как ранила такая безграмотность его, домового.

В огромном зале шаги, голоса, поскрипывание кресла, потрескивание дров в камине – все звуки эхом отражались от высоких потолков, а потом, словно мыши, исчезали в углах. Вдоль стен располагались шкафы с бесконечными рядами книг. Трудно сказать про весь мир, но на этом горготане, это было самое большое собрание.

Почти минуту сидел домовый спокойно, потом подскочил, схватил со стола колокольчик и затряс что было сил.

Вбежал слуга.

– Подготовьте отряд с письморисовальцем. Я хочу знать, жив ли тот чудак, что построил на самом конце хвоста горготана лачугу и по веревочной лестнице пытается спуститься в зыбь.

Слуга вышел.

Велиофант вздохнул так, будто все заботы королевства лежали на его пушистых плечах.

А в глубине зала, в полумраке, угадывались очертания огромного, манящего к себе дивана, обитого красным бархатом со следами когтей. Но, домовый подвинул к себе сшитые листы пергамента, взял перо и продолжил...

Анлика шла, придерживая одной рукой подол длинного платья, другой – выпирающий живот.

– Не догонишь, не догонишь, – дразнился бегущий впереди четырехлетний мальчик, а она, скрывая улыбку, делала вид, что изо всех сил старается. Анлика обходила камни, а точнее, разных размеров, от песчинки до скалы куски ороговевшей кожи – затвердевшие или превратившиеся в пыль, ставшие почвой для чахлах кустиков и низкорослых деревьев, чудом зацепившиеся на крутых склонах.

Каждую ночь, едва садилось солнце, становилось холодно, и пар от горготана поднимался, образуя густой клубящийся туман. А если горготан проходил мимо гор, ветер доносил их ледяное дыхание.

К счастью, горготан был теплый. Анлика сняла обувь, ощутив под ногами приятное тепло. Незаметно для себя, смеясь и играя, они дошли до узкого длинного озера, вернее, крошечной складки на теле горготана, спрятанной среди скал и валунов. Присев на пышущий теплом холм, они стали ждать отца.

Он охотился на насекомых – кожных паразитов горготана. Маленьких, размером в две ступни гладкобрюхов – розовых, покрытых нежной щетинкой с острой мордочкой и двумя ноздрями посередине. Или гладышей, таких же по размеру, но с жесткой шкуркой, пригодной для шитья обуви. Из гладышей вырастали прыги. Рост прыгов превышал человеческий, отчего они напоминали переросших кузнечиков с дурной наследственностью.

Домашних животных здесь не разводили. Это было самое безлюдное и бедное место. Край мира. Во всех смыслах.

Анлика села на камень, обняла сына и задумчиво улыбнулась. Ветер то стихал, то налетал резко, осыпая песком и брызгами, трепал подол белого платья, спутывал длинные русые волосы, но не справлялся с черными кудрями мальчика. Они застыли тугими крупными локонами, как шапка. Он замечтался, как обычно, и очнулся только когда отец, с двумя розовыми гладышами на спине, окликнул:

– Ярих, идем!

Поднялся туман. Путники с трудом видели собственные ноги, поэтому шли друг за другом – впереди мама, посредине сын и позади отец.

Неожиданно Анлика остановилась и, взявшись за живот, застонала.

– Началось? – подскочил к ней мужчина.

Ярих сделал еще несколько шагов вперед и остановился. Справа ему почудился писк вертячки – очень редкого и вкусного насекомого. Он сделал несколько шагов в сторону от тропы и, оступившись, упал в крутой овраг. Закатившись под камень, он ударился головой о его выступ и потерял сознание.

Родители слышали шум. Долго искали, кричали, шарили в овраге и пару раз прошли в полуметре от него.

– Яри... – у Анлики потемнело в глазах, голова закружилась. Ноги стали ватными, и она упала бы, но муж оказался рядом, подхватил ее на руки и понес домой.

Вернулся он быстро, приведя с собой почти всех жителей их поселения. Вместе они искали Яриха всю ночь, весь следующий день, и много дней потом. Никто так и не понял, как пропал мальчик. Трудно было предположить, что, едва стихли шаги отца Яриха, унесшего Анлику, две темные, укутанные с ног до головы фигурки, прошмыгнули в овраг. Сели на камень, отдышаться. Несколько минут молчали, прислушиваясь, а потом женщина тихо запричитала.

– Ну, и зачем ты его ударил? Так бы убежали. Награбили-то, курам на смех, они бы уже завтра про нас и вспоминать перестали. Теперь же, за нами будут охотиться по всему горготану.

– Они нас не видели, – сердито пробурчал ее спутник.

– Ну и что! Везде будут расклеены объявления: чернявые мужчина и женщина, без роду, без племени, шастают туда-сюда. А кто шастает? Мы шастаем!

– Зар-р-раза, – сплюнул мужчина сквозь зубы.

В это время Ярих застонал и зашевелился под камнем.

– Кто здесь? – прошипел мужчина и схватился за нож.

– Да погоди ты, – отпихнула его женщина. Она уже стояла на коленях перед камнем и за ногу вытаскивала из-под выступа мальчика.

– Дитя! – Она нежно положила его голову себе на колени, погладила волосы и подула на огромную шишку на лбу.

– Как же тебя, милый, угораздило, в таком пустынном краю потеряться? – она с надеждой смотрела на своего спутника. – Возьмем его, Карх? Своих ведь деток не нажили, а этого нам Боги послали. А?

Мужчина досадливо отмахнулся.

– Лишнего рта нам еще не хватало, а проснется, еще и орать начнет!

Женщина улыбалась. Не каждый день Боги посылают такой подарок. Кудри у ребенка черные, а лицо белое, нежное. Загляденье. Она поднялась, крепко прижимая к себе малютку, и тоном, не терпящим возражений, проговорила:

– Не будет он плакать, посмотри, какой уже большенький, тяжелый. И потом, он нам нужен больше, чем мы ему. Разыскивать-то будут кого? Мужчину и женщину. Шасточей. А мы кто? – она слегка потрясла ребенка, – Мы, семья!

Жизнь на горготане

Они поселились в небольшом городке – Червень, в доме отца Карха, сделанного, как и все остальные дома, из щитана. Заросли щитана покрывали горготана так, как обычные леса покрывают обычную сушу. Только, в отличие от деревьев, ветвей у щитана не было, и на разных участках кожи горготана он рос разного цвета. Коричневого, белого или рыжего. Из щитана делали мебель, вырезали посуду, сувениры. Изделия из него получались гладкие, глянцевые, никогда не портились и почти не ломались. Каждый хозяин стремился перещеголять в своем мастерстве соседа, поэтому все дома как внутри, так и снаружи были резными и неповторимыми. Женщины же из поколения в поколение копили умения ткать ковры и сукно из подшерстка и достигли настоящего мастерства в их изготовлении.

Трудно сказать, чем горготаняне гордились больше.

Раз в месяц в Проплешье, столицу Верхнего королевства, каменные великаны приносили в своих ладонях корабли с моряками, торговыми гостями и товарами, забирая их из далекого тайного океанского залива – Остролобии. Жизнь в столице на три дня замирала, а старое водохранилище превращалось в порт, куда стекался народ поглядеть, как на воде медленно, в такт шагов горготана покачиваются корабли.

Торговцы привозили соль, муку, сахар, пряности, краски, а порой странные и нелепые, с точки зрения местных жителей, вещи. Горготоняне выменивали иностранные товары на мебель и посуду из щитана и ковры из подшерстка, необычайно ценимые во всем мире. Когда обмен совершить не удавалось, в ход шли золотые и серебряные монеты.

Сама королева покровительствовала торговле. Она любила деревья и цветы, поэтому один из кораблей всегда был гружен почвой, семенами и саженцами. Сотни озеленителей высаживали растения в городах, поселках, вдоль дорог, ухаживали за ними и получали за это жалование из казны. Это была одна из самых почетных должностей в королевстве.

Одним словом, торговля приносила выгоду всем. Великаны тоже получали за работу: от королевсы живительную магию, а от купцов золото.

На богатом рынке Проплешья и промышляла новая семья Яриха. Ряска и Карх гордились успехами своего мальчика. Были уверены, из него получится лучший вор во всем Верхнем королевстве, да чего там, по всей спине. В своем же городке, Червене, Ряска с успехом играла роль почтенной матери семейства и примерной домохозяйки.

Еще на Харн Орне, Великом горготане, было Нижнее королевство. Жители его вели замкнутый образ жизни, с соседями не общались. Границы своего царства ревностно охраняли, а торговлю считали занятием неблагородным. Горготаняне из Верхнего королевства о жизни соседей знали мало, особо не любопытствовали, считая их варварами, помешанными на грубой физической силе. Только время от времени между принцами и принцессами верхних и нижних правящих домов заключались браки – для укрепления связей между королевствами и для поддержания мира.

Хотя, едва ли кто-нибудь из людей посмел бы покуситься на власть волшебницы-королевы, ведь простым людям управлять горготаном было не дано. А горготан без управления – это верная смерть всему живому на нем.

Кипящий водопад – любимое место каменных великанов и горготан. Великаны любят погреть камушки, а заодно смыть нагло прорастающий мох, а горготаны избавляются от кожных паразитов. Вот куда побежит Харн Орн, потеряв управление. Паразитов на нем изрядно. Это гладкобрюхи и прыги, вертячки и гладыши. А некоторые, особо догадливые, считали, что к списку этому вполне возможно причислить и иных из людей.

К счастью, кипящий водопад так и оставался страшилкой для непослушных детей. Горготан, контролируемый королевой, даже близко не подходил к этому опасному месту.

Королева с семьей жила не в Проплешье, а в Вергорде, на шее горготана, во дворце – единственном каменном строении на горготане. Длинная дорога от спины по шее к Вергорду охранялась и была доступна только торговцам с особой грамотой.

Не далеко от Вергорда, на макушке горготана была устроена смотровая башня. Все время там находились зоркие смотрящие, сообщающие о любых изменениях вокруг горготана. Каждый мальчишка в Верхнем королевстве мечтал об этой должности. Только сами смотрящие считали свою работу наискучнейшей. Все, что они видели день за днем и год за годом – это небо, облака и плотный цветной туман внизу, с торчащими из его глубин ржаво-красными, водянистыми, извивающимися ростками папоротника – любимой пищей горготан. Случалось видеть великанов или нескольких, если рядом были Пики – огромные, выше Харн Орна горы. Там был город великанов. Им, как и горготанам, зыбь была по колено, но жить они предпочитали на твердых сухих камнях.

Иногда можно было увидеть издалика очертания другого горготана. Об обитателях их ходили легенды. Одна страшнее другой. Например, о монстрах пьющих кровь или феях, насылающих на детей несчастья. Курс менялся немедленно. Никто не желал подцепить, словно заразу, непрошенных гостей и разрушить установленные веками связи и традиции. Другой горготан тоже непременно отворачивал. Никто не хотел рисковать. Даже кровососущие. У них, наверняка, были свои легенды.

Школа и не только

– Нет, ну я разумела, что папаша не в себе, но не до такой же степени! – в этот раз Ряска выбежала за дверь, встречая мужа.

– Да объясни же толком, чего тараторишь?

Карх отстранил жену от двери и вошел в дом.

Дед сидел рядом с внуком и показывал Яриху буквы.

– Тыфу ты, переполошилась из-за глупости, – усмехнулся Карх.

– Он ребенку судьбу калечит. Зачем вору голову знаниями забивать? – заламывала руки Ряска.

подавая ужин, Ряска нарочно резко гремела посудой.

– Вот скажет он тебе, не хочу воровать. Хочу в школу. Тогда не говори, что я не предупреждала!

И действительно, через месяц Проныра пошел в школу. Это было решение Карха, когда он увидел, как шустро Ярих складывает из букв слова и лучше него ведет счет деньгам. Это в шесть-то лет! Карх даже заплатил учителю, чтобы мальчика взяли, несмотря на маленький возраст. И все это вопреки недельному бойкоту Ряски. Поджав губы и скрестив руки на груди, глядела она, как Карх первый раз повел Яриха к учителю.

– Эх, недалекая ты женщина! – добродушно проговорил Карх, когда вернулся, – С такими мозгами Проныра может человеком стать. Нам с тобой на старость лет помощь будет.

Устные занятия проходили во дворе школы. Учитель и ученики располагались на ковриках, образуя круг.

Учитель выдерживал паузу, и в тишине начинал:

– Давным-давно, когда горготаны были дикие и неприрученные, люди жили на огромном материке, который окружал глубокий, бушующий океан. Никто теперь не помнит его название.

Учитель налил в тарелку воду, положил сверху плоский камень так, чтобы половина его выглядывала из воды и была сухой. Показал ученикам.

– Вот так выглядел материк, окруженный водой.

Класс, затаив дыхание, слушал его монотонный голос.

– Почва под ногами была холодная, дома обогревали огнем, дым выводили на улицу, – учитель улыбался в седую бороду, глядя на недоверчивые лица, – Печи топили деревьями. На материке повсюду было много деревьев. Горят они лучше, чем наши камни, и даже без запаха.

Он сделал многозначительную паузу и, оглядевшись по сторонам, тихо добавил:

– Я сам пробовал. Нашел в лесу мертвую ветку и сжег. Огонь был яркий, жаркий. Дыма от него, почти не было. Только прогорел быстро, – он строго оглядел своих учеников, – Не повторяйте. Потом найдем и сожжем ветку вместе.

Учитель подумал о печах, на которых женщины готовят еду. Их ставят на заднем дворе, трубу поднимают как можно выше, потому что топят камнями, частичками ороговевшей кожи горготана, которые сгорая, воняют паленым.

– Однажды, – продолжил учитель свою историю, – Жившие на материке две могущественные волшебницы не смогли разделить власть и начали войну. В запале боя не замечали они, как вырывали с

корнями леса и с основанием горы, как земля покрывалась трещинами, а материк начал раскалывался на куски, и океан приготовился поглотить его.

Крики и плач людей были так велики, что слышали их Боги, разгневались, и лишили волшебниц силы. А спасти людей призвали великанов. Все, что видели, великаны вылавливали из воды своими огромными ладонями и складывали на спины горготан. Не особо разбирались. Поэтому у нас есть деревья, трава и животные.

Ярих не заметил, как урок закончился.

– Эй, ты чего? – толкнул Проныру в бок Шкода.

Ярих, представлявший, как управляет горготаном, вздрогнул и очнулся.

– А ты чего? – он удивленно смотрел на приятеля.

– Уроки закончились. Пойдем пузырь пинать.

Ярих огляделся. Вокруг столпились мальчишки. Вон и пузырь у Шкоды. Знатный. Его отец сапоги шьет. И пузыри. Козьи желудки воздухом накачивает и кожей обшивает. Для надежности. Каких только игр с пузырем нет. В него даже взрослые играют. Девчонки тоже, не отстают.

– Нет, я домой пойду, у меня дела.

С непринужденным видом он взял рюкзак, поглядывая в прищуренные глаза Шкоды. Ясно же, не верит. Ну да ладно. Ярих подождал немного, и, когда шумной толпы ребят не стало видно, побежал. Только вот направление выбрал противоположное дому.

И тем же вечером:

– Где ты был? – вскричала Ряска, а Карх, подхватив Яриха за плечи, втащил в дом, мимоходом захлопнув дверь, которую налетевший порыв ветра тщетно силился распахнуть снова. Ряска, разглядывая Яриха в свете свечи, в немом изумлении качала головой. Ноги его, там, где не были защищены грубыми ботинками и короткими штанами, пестрели ссадинами. Лицо покрывала пыль, а грязными руками он пытался прикрыть дыру на рубахе.

Ряска, заохав, побежала за водой, а когда вернулась с тазом и полотенцем, Ярих спал. Она поглядела на него, повздыхала, и пошла за лечебной мазью. Он не проснулся и не шевельнулся во сне, когда Ряска смазывала ему ссадины. Она вглядывалась в спящее напряженное лицо и гадала, что снова задумал непоседа. Карх стоял тут же, почесывая начинающую седесть бороду.

– Если бы не он, мы бы и не остепенились никогда, – Ряска робко улыбнулась мужу. Она редко улыбалась. Она до сих пор содрогалась от мысли, что где-то живет женщина, потерявшая Яриха.

Теперь Ярих чаще приходил домой к вечеру, хотя до темноты больше не задерживался. Он все успевал, и Ряске не к чему было придираться. С утра, до школы, бегал на рынок. В школе был лучшим учеником. Друзей у него было много. Он даже в библиотеку ходил. Ему и книги домой брать позволяли. Ряска молчала, качая головой. Не очень-то доверяла она словам.

– Вы даже не представляете, – с полным ртом пытался рассказывать Ярих, – Кого я нашел в лесу! Огромного жука! – он закрутил головой в поисках подходящего размера. – С крышку стола! – Ярих показал на их круглый обеденный стол, – Но знаете, что самое интересное, – он снова откусил кусок побольше, – Я думаю, он еще вырастет!

Глаза Ряски улыбались. Карх сидел, как всегда, угрюмый. Он был против разговоров за столом, но молчал. Ему не доводилось встречать таких жуков, поэтому напрашивался вопрос – где бродит его сын?

– Его зажало между большими камнями, но я уже придумал, как вытащить, – лицо Яриха светилось, – Я пою его, кормлю. А как долго листья и ветки искал, которые ест Уханчик!

– Уханчик? – переспросила мать.

– Ну да, я его так назвал. У него на голове, по бокам, два смешных, больших таких, нароста, вроде загнутых вверх рогов. Издалека – вылитые уши.

Ярих засмеялся.

– Бам-м-м-м! – донеслось с улицы. Это часобой – самый сильный человек в городе отбивал время, ударяя каждый час по большому кругу, называемому бам-бамом. Он же был и хранителем единственных в городе механических часов.

– Ой, да я же в школу опаздываю!

Ветерок промчался по комнате, и через несколько секунд Карх с Ряской уже сидели вдвоем.

Карх кряхтел недовольно. Он так и не успел расспросить Проныру. Впрочем, как всегда.

А вот о том, что нашел Амулет Харн Орна, Ярих промолчал. Для горготана это была невесомая цепочка, мелочь, на которую могучее животное не обращало внимание. Для королевства же – граница, отделявшая мир людей от запретного мира правителей. Высокая, в два человеческих роста ограда, сделанная из заостренных пик. Ярих облазил все вокруг них, но так и не придумал способа преодолеть. Даже в книжках он не смог найти об Амulette больше, чем видел сам и рассказывал учитель. Конечно, были ворота и была торговая дорога, но охранялось все это так хорошо, а рискнувших проникнуть наказывали так строго, что об этом нечего было и думать.

Кое-что еще не давало Яриху покоя. На ладони его правой руки появился знак в виде звезды с двенадцатью лучами, внутри которой, стоило только раскрыть ладонь, распускался цветок, а вокруг загорались тонкие надписи на неизвестном языке. Днем знак был почти невидимым, а ночью светился мягким фиолетовым светом, реже другими, в зависимости от настроения.

Ярих нарисовал знак палочкой на песке и показал учителю.

– Где ты видел его? – учитель потерял свойственное ему самообладание и схватил Яриха за плечи, – Читал книгу в библиотеке? Какую? Я должен взглянуть!

– У меня ... Я ... Сон видел! – соврал Ярих.

– Странные у тебя сны, однако, – учитель убрал руки и поправил на его плечах рубашку. – Это «Свет Арна». Знак Остатних.

– Кто это, остатние? – любопытствовал Ярих.

– Редко встречающиеся в природе существа, – усмехнулся учитель, – Волшебники. Так уж вышло, что управлять горготаном и призывать великанов могут только они. Все правители на горготанах из волшебников.

Непроизвольно Ярих спрятал руку за спину.

– А у обычного человека такой знак появиться может? – не унимался он, – Может, известны случаи?

– Фантазер ты, Ярих! Не бывает такого!

Учитель ушел. Ярих украдкой посмотрел на свою руку. Знак по-прежнему был там и теперь светился бордовым, словно от возмущения.

Точно Ярих знал теперь только одно – он не сможет спокойно спать, пока не поймет, в чем дело.

Побег

– Уханчик, перестань!

Ярих прибавил шаг, пытаясь увернуться от бодавшего его тупыми рожками жука.

– Прости дружок, сегодня не поиграем, – Ярих, не останавливаясь, провел рукой по голове Уханчика. Он до сих пор не мог привыкнуть к способности жука изменять цвет. Еще недавно тот был бархатно-черным, а теперь уже цвета молодой зелени.

В теплой куртке и толстых штанах было жарко. Но положить одежду в рюкзак нельзя, там одеяло, запас еды на несколько дней, пузырь с водой и нож.

Ярих переживал, что Карх и Ряска расстроятся, увидев записку, но был уверен – так нужно. Он был намерен вскоре вернуться, и потом, расскажи он им заранее о своем намерении отправиться к волшебникам, они бы наверняка его отговорили.

В эту секунду Уханчик пихнул Яриха под коленки так, что тот сел от неожиданности. Но не на землю, а на подставленную Уханчиком голову. Ровно, между рожек. Сидеть, держась за рожки, оказалось очень удобно. Уханчик побежал, а Ярих сидел, смеясь от восторга, и болтал ногами. Панцирь жука был слегка шершавым, поэтому соскользнуть Ярих не боялся.

– Молодец, Уханчик!

Ехать было гораздо веселее и мягче, чем шагать по камням и кочкам, путаясь ногами в пушистом и длинном, словно волосы барышень подшерстке. Тем более, что Уханчик ловко маневрировал между зарослями щитана и редкими деревьями. И только когда он побежал на куст с очень низкими сухими ветками, Ярих занервничал. Жук запросто пролезет под ними, а вот ему не

поздоровится. Он отчаянно дернул Уханчика за рог вправо, и удивился, когда жук послушно повернул, избежав препятствие.

– Э-х-х, Уханчик!

Было жаль, что никто не видит. А главное, рассказать-то не кому – не поверят! Ярих снова и снова поворачивал Уханчика вправо, влево, гонял кругами, а Уханчик временами подпрыгивал и смешно пищал.

– Ну, все. Приехали, – Ярих потянул рожки на себя. Жук затормозил, и Ярих, помогая себе ногами, скатился с его покатою головы в подшерсток, как с горки. – Жаль, тебе не перебраться на другую сторону. А с тобой так весело.

Уханчик мигал вразнобой большими, черными глазами и Яриху казалось, что жук все понимает. Он прижался щекой к его теплому панцирю, а Уханчик, словно в ответ, зашевелил усиками.

Они были на месте. Несколько дней назад Яриху посчастливилось найти высокое дерево, растущее совсем близко к Амулету Харн Орна. Толстые, длинные ветви его раскинулись во все направления так, что даже свешивались на другую сторону ограды.

Вот только в толстой одежде и с рюкзаком взбираться вверх по гладкому стволу этого дерева оказалось сложно. Один раз Ярих едва не сорвался и не полетел вниз, где фыркающая и тонко попискивая, бегал Уханчик. Наконец, Ярих влез, встал ногами на крепкую ветку, подмеченную заранее и мелкими шагами, с трудом удерживая равновесие, приблизился к остро заточенным пикам. По ветке Ярих прошел над ними и посмотрел вниз. Расстояние до подшерстка оказалось большим, но... «Тут и раздумывать нечего, раз смог сюда пробраться так и дороги назад нет», – сказал себе Ярих и, наметив где лучше приземлиться, прыгнул.

Через мгновение он лежал на спине, хватая ртом воздух. Когда дыхание восстановилось, огляделся, встал, но тут же сел. Болела нога.

– Какой пустяк, – Ярих улыбался.

Первое время двигался прямо, смело, но постепенно шаги стали короче и осторожнее. Нет, он не трусил, просто память, языком деда, нашептывала страшные истории, которые ходили в народе о Диких местах. Тех, что ниже головы Харн Орна и выше Амулета. Считалось, все отвергнутые нашли приют на длинной шее горготана. Та магия, что нигде не в почете, та, что требовала жертвенной крови, поселилась здесь. И чем дальше от дороги, льнувшей к похожей на длинную гору щитановой гриве, тем кровожаднее существо можно было встретить. Да и прыжки и камневертки здесь были дикие, непуганые и считали своим трофеем все, из чего можно высосать кровь.

К дороге подходить тоже опасно. Ее охраняют часовые. Вечные часовые – каменные истуканы, не пропускающие мимо себя никого без особой королевской грамоты. Любого, зря нарушившего их покой, ждала страшная смерть. Ярих вспомнил лицо дедушки, когда он рассказывал про них и машинально еще немного отдалился от дороги.

Нога болела сильнее. Ярих боялся, что вскоре не сможет идти. Он подумал о палке, на которую опирался при ходьбе дед, оберегая больную ногу. Взгляд заскользил по сторонам в поисках чего-нибудь похожего и замер, наткнувшись на колышущийся в безветрии подшерсток. Ярих не подал виду, что увидел и постарался шагать быстрее. Наконец, нашелся подходящий кусок молодого